

УДК 008
ББК 71.0

А.С. ДРИККЕР

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ И СУММА ТЕХНОЛОГИЙ¹

Падение советской империи традиционно определяют проблемами технологическими. Однако возможно связать неожиданное крушение с распадом системы советских ценностей, которые обеспечили невиданный в истории России взлет. И сегодня главный дефицит страны, культуры — не технологии, а вдохновляющие цели, механизмы их достижения, которые отвечали бы национальному характеру. В работе обсуждается вопрос о путях и перспективах поиска подобных ценностей.

Ключевые слова: технологии, ценности, история, культурные циклы, национальные особенности.

Советское прошлое, пребывавшее в забвении и пренебрежении почти два десятилетия, в последние годы привлекает все более пристальное внимание граждан, политических лидеров и движений, интеллектуалов всех мастей. Вполне понятно: вне прошлого нет ни будущего, ни даже настоящего. Однако на принципиальный вопрос — о причинах внезапного крушения гигантской советской империи — так и не нашлось более-менее внятного и непредвзятого ответа. Что же произошло, как исчезла, словно Атлантида, в конце второго тысячелетия огромная своеобразная цивилизация? В результате случайности, заговора коварных врагов, объективной закономерности (а если так, то в чем она заключается)?

Не отрицая влияния, как случая, так и козней недругов, остановимся на предположении, что столь масштаб-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 13-03-00151.

КОНТЕКСТ

ные процессы как вымирание динозавров или падение Рима определяются некими универсальными причинами, отвечают эволюционным принципам. Попытаемся истолковать историю советской державы, вписав ее в широко известную теорию культурных циклов.

Культурные циклы

Теория культурных циклов представлена блестящими трудами таких выдающихся ученых, как Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, Питирим Сорокин, А. Тойнби, Л. Гумилев, ярко и убедительно проиллюстрирована и интерпретирована ими. Недостает самой малости: конкретизации причины, «материализации» механизма, действие которого делает органический цикл неизбежным для культуры и приводит к тому, что пассионарная фаза каждый раз, как бы неожиданно, завершается утратой энтузиазма, сил, растеканием роковой апатии.

В попытке отыскать объяснение остановимся на представлении культуры как интегрального опыта, накопленного за долгие тысячелетия. В такой постановке проблемы развитие и сохранение культуры возможно только при условии надежной и эффективной передачи этого опыта от поколения к поколению. В информационном потоке, обеспечивающем подобную трансляцию, выделим две составляющие. Назовем первую *технологической*, имея в виду не только орудийно-инструментальные, хозяйственные технологии, но и технологии социальные, создания художественных образов... Эта информация хранится автономно, независимо от человека, передается с помощью искусственных носителей.

При всем многообразии «технологической» информации, ее гигантском объеме даже в крошечном королевстве Бутан культурный потенциал она не исчерпывает. Существование культуры возможно только при наличии второй составляющей. Ее присутствие безусловно, но и с носителями и со способом передачи здесь все обстоит менее очевидно. Технологический подъем — необходимый признак восходящей культурной фазы. Однако сохранение технологических накоплений не оберегает от исчезновения высокие цивилизации (будь то Рим, Британская империя или Советский Союз). В то же время на фоне менее или более глобальной утраты технологического наследия и его носителей в результате Французской революции в конце XVIII века или Октябрьской революции 1917 года в России можно наблюдать достаточно быстрое возрождение культуры. Так, Советская Россия несмотря на устрашающие потери в ходе Первой мировой и Гражданской войн, разруху, развал всех общественных институтов (Г. Уэллс, посетив Россию в 1918 году, констатировал, что страна погрузилась в первобытный мрак [1]) к 1927 году восстановила потенциал 1913 года.

Культурная трансляция носит *сверхорганический* характер: культурная информация, как известно, не наследуется. И хотя в историческом движении постоянно усиливается значение культурного влияния (в сравнении с биологическим — «главенство фенотипа над генотипом

[2]»), не следует забывать, что возможность надорганического усвоения знаний и умений вряд ли может не зависеть от генетического механизма [3]. Сложно представить, что, например, усиление в ходе культурной эволюции способностей к обучению не закрепляется генетически.

Подобную связь достаточно убедительно трактуют теории геннокультурной коэволюции [4] — взаимного влияния генетических и культурных факторов. В этих теориях полагается, что без наследственной преемственности невозможно овладеть культурой, а соответственно адаптироваться и выживать в той искусственно-природной среде, результатом приспособления к которой за тысячи и десятки тысяч лет являются и европейцы, и китайцы, и австралийские аборигены.

Наследование ментальных, фенотипических особенностей, свойственное представителям различных рас и культур (отчетливо фиксируемых предрасположенностей, положим, к изучению языков либо математики, физики), — конкретное проявление генетической передачи культурных признаков. В теориях геннокультурной коэволюции такое наследование рассматривается как результат отбора программ развития нервной системы — эпигенетических правил, которые способны направлять научение, мышление, поведение. Носителем эпигенетических правил, передаваемых от поколения к поколению, может быть лишь окультуренная особь, ответственная за передачу второго — экзистенциально-ценностного — компонента информационного потока. Дифференцировав информационные составляющие, обратимся к природе культурной цикличности.

Восходящую фазу цикла можно представить как этап энергичного информационного ускорения [5]. Историческое движение запускается низшими, биологическими инстинктами (в пирамиде Маслоу [6] — голодом). Путь к господству над видимым миром римляне начинают, оседая на не слишком здоровых и плодородных землях в соседстве с богатой, культурной Этрурией. Такая разность потенциалов и базовые запросы стимулируют познавательный поиск. Этот поиск будет успешен, если в его ходе, намечая некие правила, принципы поведения, интегрируются индивидуальные импульсы, реакции в ответ на вызовы агрессивного окружения. Интеграция усиливается, когда на базе подобных установок познавательная активность обретает ориентир в виде некоего идеала: римского права, иудейской богоизбранности, христианского завета, протестантской этики. В силовом поле этих идеалов оформляются эпигенетические правила, обеспечивающие экзистенциальную прочность культуры, надежность ее воспроизводства и тем самым возможность технологического прогресса. В подобном процессе кристаллизуется общественная структура, формируются социальные, хозяйственно-экономические институты и отношения.

«Пышное цветение» культуры — фаза эффективной трансляции и развития опыта, его экзистенциально-ценностного и технологического компонентов, которые, взаимно подкрепляясь, стимулируют инфор-

мационное ускорение. Общественные установки, складывающаяся ментальность направляют продуктивную дифференциацию и специализацию, создавая условия для того, чтобы вскармливать новых работников, воинов-пассионариев, осваивать земли, свершать научные открытия, достигать метафизических, космологических прозрений, — обеспечивают технологический прогресс и лидерство. А прагматические достижения, в свою очередь, поддерживают дух культуры; следствием такого усиления, как правило, становится и геополитическое доминирование.

Однако нарастающие успехи, устранение конкурентов неуклонно стабилизируют среду. По мере того, как первичные потребности насыщаются, а внешнее напряжение падает, корреляция между деятельными усилиями и ценностями слабеет, направленность поисковой активности размывается хаотичными — не связанными объединяющим началом — биологическими устремлениями индивида к самоудовлетворению. На этом этапе отбор переориентируется, концентрируясь на технологической трансляции, селективное преимущество уже не связано с идеальными приоритетами, его получают «гиперморфные» мутации, усиливающие проявление тех признаков, которые обеспечили достигнутое благополучие. Информационное ускорение затухает, культурная редукция развивается прогрессивно, фенотип победителя стремительно растворяется. Такой процесс известен в биологии как катогенез — приспособление к упрощенным условиям.

В социологии подобные состояния общественного организма описываются как результат усиления аномичных [7] явлений, когда исчезают жизненные цели, нормы, образцы поведения, рушится привычная система ценностей, не замещаемая новой. Информационная редукция, порождающая аномию, отмечает завершающий этап цивилизации, который имеет один исход, хотя и с широким спектром вариаций: от римской до советской. Сегодня, возможно, наблюдается истощение достигшей пределов экспансии западной цивилизации, доминировавшей на протяжении последних веков.

Взлет и падение советской империи

Оценивая советскую эпоху (в которой необходимо разделять два принципиально отличных периода) с расстояния в четверть века, нельзя не признать, что она, безусловно, характеризовалась наличием общезначимых и общепринятых ценностей, итогом чего и явился невиданный, бесспорный исторический взлет страны. Никогда прежде советское, российское влияние в мире не обретало такого масштаба; советская экспансия, легко преодолев Босфор и Дарданеллы, в 1970-е распространилась на все континенты. Это влияние в значительной мере определяло судьбы мира и народов, а военный потенциал, многократно усиливаемый ментальной крепостью, возможно, самой мощной за все века военной державы, вызывал обоснованный трепет западного блока.

Что же представляли собой ценности, которые лежали в основе могущества державы, условия, в которых советские ценности могли сформироваться?

В первую очередь, это абсолютный примат общественного начала и всеобщее отрицание индивидуального (во всех слоях общества «кединоличник» воспринимался, пусть и с разными оттенками, но всегда негативно). Эти ценности могли успешно поддерживаться только в строгой феодальной структуре с жесточайшей дисциплиной (к примеру, тюремное заключение за опоздание на работу — уже в либеральное хрущевское время), основанной на сакральной иерархической системе непререкаемых авторитетов. Советский строй существовал при практически полном отсутствии частной собственности (даже высшие партийные бонзы мгновенно утрачивали привилегии, уходя с партийных постов, а теми фантастическими по советским временам хоромами и благами, которыми пользовались государственные чины, нынче побрезгует не только олигарх, но и топ-менеджер).

Наконец, устойчивость системы гарантировалась жизненным уровнем, который обеспечивал лишь выживание, не давая никаких предпосылок для серьезного индивидуального развития и многообразия. Очереди в советских магазинах, так же как и принципы всеобщего коммунального жилья, конечно, не устанавливались решениями политбюро, но сохранялись благодаря общему (партии и народа) интуитивному пониманию их значения для коллективного самосохранения (практика последующих лет показала, насколько легко решаются индустриальной системой подобные задачи при минимальной заинтересованности и усилиях).

Каким же образом «допотопная» (в динамичной индустриальной цивилизационной среде), неуклюжая, словно динозавр, отсталая страна становится мировым лидером? Тотальная жестокость системы, конечно, подавляет инициативу, но в то же время в экстремальных ситуациях стимулирует проявление доблести. Сталинский режим на протяжении трех десятилетий поддерживал экстремально высокое напряжение.

С первого дня страна ощутила себя в осаде. Внешний мир воспринимался как коварный, опасный. Да и внутри страны не было покоя от «врагов». В их числе служители культа, офицеры, «спецы-вредители», кулаки, троцкисты, «народы-изменники» (вроде чеченцев или калмыков), сионисты, предатели (бойцы Советской армии, попавшие в плен вместо того, чтобы «умереть стоя») и т. д. Советские люди, сформированные в атмосфере трудовой битвы, повседневных сражений, миллионами, безропотно, и даже с воодушевлением, отдавали жизнь «за Сталина».

Безусловно, не только террор определял жизнь в сталинскую эпоху. Равенство (конечно, крайне примерное, но по нынешним меркам, пожалуй, достаточно широкое) в нищете — жесткий дефицит продуктов и предметов первой необходимости, от муки и масла до посуды, одежды и мебели, — способствует проявлению простых человеческих добродетелей, братских чувств: полуголодный и забитый, возможно, скорее откликнется, пожалеет нищего или пьяницу, чем сытый и правильный.

Ну, а лишения, отсутствие всяческих свобод и соблазнов — аскеза — один из мощнейших способов разжечь творческий энтузиазм. Лагерные «шарашки» работали, может быть, эффективней, чем центр в Лос-Аламосе или лаборатория Белла, переполненная нобелевскими лауреатами.

Однако к мировому первенству Советский Союз все-таки приходит лишь с наступлением оттепели. Фундамент лидерства — социалистические ценности, инерция коллективистских устремлений и дисциплины труда; высококоразвитые технологии в сферах, связанных с военной промышленностью. Но планетарный взлет начинается лишь с воодушевлением, надеждами, порожденными завершением массового террора и позитивными переменами в жизни. Совокупным итогом этих факторов и явился технологический успех: первоклассное советское искусство, советская наука — вторая в мире (а если учесть, что американская наука собрала лучших ученых всей планеты, то, может быть, и первая); поразительный прорыв в космос.

Однако закат советской империи наметился ранее, чем она достигла зенита. Правление первого человеческого советского вождя — Н.С. Хрущева, посмотревшего на западную жизнь и возмечтавшего догнать и перегнать Америку, — отмечено не только запуском спутника, но и началом массового жилищного строительства. «Черемушки» — дешевое жилье, «хрущевки», поднимавшиеся в больших и малых городах, обозначили конец коммунального быта, исключавшего всякую индивидуальность, даже интимность, и наметили слом коммунистической эры. Квартира в блочном доме дарила советскому человеку радость, несоизмеримую с нынешним обретением коттеджа на Рублевке.

Но как только люди получили возможность начать частную жизнь — финал был предрешен. Угнетаемые веками инстинкты, стремление к недостижаемому материальному достатку, соблазны фантастической западной жизни размывали советские ценности, как апрельские ручьи снег, неукротимо разжигали мещанские идеалы. Идеи мировой революции улетучивались; мечта позднесоветского человека воплотилась в джинсах, которыми инерционная машина обеспечить его не могла, джинсы не вписывались в слабеющую на глазах систему ценностей, а потому и последовал обвал.

Советская идея оказалась дискредитированной как в низах, так и в верхах. Причем, разложение, как обычно, раньше и глубже охватило элиту партии и ее меч — госбезопасность, а без карательной системы в такой атмосфере крах — дело времени. Конечно, столь внезапная катастрофа явилась абсолютно неожиданной (хотелось бы понять, был ли хоть сколько-нибудь вероятным менее жесткий вариант), но в радиоэлектронную, цифровую эру железный занавес превращается в тюлевый, а соблазняющее, растлевающее влияние Запада усиливается. Советская элита, интеллигенция не искали и не нашли ответа на новый вызов, а потому Советский Союз был обречен.

Система ценностей и проблемы общественного сознания

Крушение колосса вызвало не только естественное ликование Запада, но и удивительную эйфорию внутри страны. Безотчетное воодушевление захватило всех: националистов и западников, обывателей, уголовников и интеллигенцию (от академика Сахарова до академика Лихачева); за роспуск Союза в Верховном Совете России единогласно голосовали реформаторы, коммунисты, либеральные демократы... Экс-советские граждане не думали, что это последняя общая радость на грядущую четверть века: печальная послереволюционная реальность довольно быстро остудила головы и покончила с эйфорией.

Постсоветская страна являет собой классическую иллюстрацию развития аномии. Старые идеалы и ценности отмерли и отброшены, новые — буржуазно-демократические и православно-советские — очевидные суррогаты. Бездумная, «цельнотяннутая» социально-экономическая модель, полностью ориентированная на западные идеалы и ценности, заимствованная антисоветской властью у стран и народов, имеющих коренное отличие истории и культуры, в одночасье навязанная повсеместно, не обратила Россию в «цивилизованное» европейское государство (чего не могло случиться даже в сказке), но провалилась абсолютно бездарно. На инородной почве прогрессистская система породила исключительно регрессивные явления, в результате которых лидер второго мира оказался не в первых рядах стран третьего эшелона.

Подобные итоги привели к глубокому разочарованию, органично вызвавшему через короткое время коррекцию разнужданного бандитского капитализма посредством государственной централизации в экономике и политике, что с необходимостью определило попытки реабилитации и некоей реанимации советского прошлого, дополняемого православной идеологией и адаптируемого к передовой рыночной реальности. Но и достигнутые подобным путем успехи — стабильность, повышение жизненного уровня, самостоятельный политический курс — не вызывают особого вдохновения и не сулят России процветания.

К большому сожалению оба варианта равно бесперспективны. Эти модели, каждая по своему эффективная в свое время, отработаны и списаны культурной эволюцией, необратимость действует не только в биологической эволюции (закон Дало [8]). Коммунистический сценарий в советской постановке скомпрометирован и не имеет шансов вновь вызвать пассионарный подъем. И у православной идеологии, печально завершившей свою историю столетие тому, вряд ли есть перспективы в глобальном мире.

С другой стороны, мало того, что бездарное внедрение западного образа привело к становлению латиноамериканского капитализма с сильной африканской прививкой, но сегодня атлантическая цивилизация все глубже увязает в кризисе. Похоже, что это кризис не циклический, а системный, отмечающий исчерпанность рациональной

цивилизации, принципов свободного предпринимательства и неограниченно расширяющегося производства и потребления [9]. В борьбе за лидерство в глобальном мире, где конкуренция лишь нарастает, для успеха требуются, в первую очередь, не технологии, а, как и прежде, новые идеи, ценности, механизмы их достижения.

А вот здесь как раз отечественная почва оказалась удивительно бедной. Ни русская, ни советская интеллигенция никогда не имела никакого опыта позитивного строительства. Она всегда находилась в жесткой оппозиции к власти, определяя главную цель как сокрушение «грубой, бесчеловечной, антинародной власти». Если с первыми двумя определениями нельзя не согласиться, то последнее следует признать принципиально ошибочным.

Конечно, власть и народ в России разделены пропастью. Например, в дореволюционной стране они просто-напросто говорили на разных языках. При этом, если обратиться к советскому периоду, формула «народ и партия едины» отвечала действительности, несмотря на то, что советские бонзы жирели на фоне голодающей деревни, жирели даже в блокадном Ленинграде. Общинное сознание не отличалось тонкостью и человечностью, оно желало, требовало сильной, жесткой руки, привычная за столетия жестокость его не пугала: кто же будет работать на барщине или за трудовни, если не заставят голод и сила. А отщепенцы (кулаки, инакомыслящие) — это враги народа: народников-пропагандистов крестьяне вязали и сдавали урядникам, сталинский большой террор пользовался массовой поддержкой, удачные побеги из сталинских лагерей, по свидетельству А.И. Солженицына, неизвестны, так как бдительное население в ста процентах случаев исправляло промахи охраны [10].

Характер российско-советской власти, естественно, не мог вызвать приятия у человека совестливого. Но это не оправдывало скороспелое непродуманное стремление сбросить власть. По мере исторической аккумуляции негатива (в силу бездарности власти, гнилости системы, отсутствия внутренней инициативы, нарастающей атмосферы нетерпимости, активно инициировавшейся передовой частью общества) дважды, в 1917 и 1991 годах, удавалось свалить власть. Что получалось — хорошо известно.

Сегодня можно констатировать: в значительной мере печальный результат обусловлен тем, что интеллигенция, провозглашая примат прав народа и человека, видела в этом человеке только себя. Права народные при этом определяла как свои собственные, не думая о прочем большинстве, не чувствуя его, а то и откровенно презирая (достаточно вспомнить молодых «демократов» призыва 1991 года и их брезгливое отношение к «совкам» — простым советско-российским людям).

И в 1917 году, и в горбачевскую эпоху интеллигенция имела блестящие возможности выбора пути, трансформации государства и общества, однако на удивление оказалась абсолютно неготовой к созидательной роли: к объемному видению, пониманию интересов разных сторон, поискам практических решений, разумных и неизбежных компромиссов. Вместо этого — плоская картина мира,

наивные самообольщения, нетерпимость, противоборство без уступок, без трезвой оценки реалий, с юношеским максимализмом и нетерпением, без малейшего интереса, сочувствия к чаяниям, возможностям, к жизни большинства соотечественников.

Где же выход для многострадальной страны и народа? Конечно, следует использовать и западный и восточный опыт, положим — китайский. Но всерьез можно опереться только на собственный, то есть, прежде всего, советский опыт. А потому важнейшая задача — анализ этого прошлого, его плюсов и минусов, достижений и просчетов, их осмысление, понимание того, что и истоки неудач, и основания для надежд можно отыскать только в собственном прошлом, культуре. Уроки истории для страны, народа куда важнее компьютерной грамотности. Тест, который предлагает нам история, — проверка на меру ответственности: способность видеть собственные слабости (без чего невозможно понять достоинства), платить по счетам, например, за грубые ошибки и преступления, критически смотреть, прежде всего, на себя, а не на других. В частности, трезво оценить, что же произошло в еще прекрасно всем памятные 1990-е: расстрел парламента — это победа демократии или ее трагедия, разрушение и дележ в «семейном» кругу создававшегося непосильным трудом миллионов всенародного достояния — это торжество принципов либеральной экономики или новый вариант неофеодализма, включенного в рыночную среду? Если урок в очередной раз не будет воспринят, упования на то, что вершины русской культуры не только в прошлом, но и в будущем, — лишь мираж, которому не помогут материализоваться ни пустые заклинания, ни мифы об утраченном золотом веке.

Главный дефицит страны, культуры — цели, ценности, которые отвечали бы складывавшемуся столетиями национальному характеру, которые, преодолевая вековое непонимание, могли бы объединить интересы деловой и чиновной элиты, интеллигенции, широких масс, молодых и старых, городских и сельских. В российско-советской истории XX—XXI веков вдохновляющая цель предложена единожды. И сформулирована она была не Лениным или Троцким, Сахаровым или Солженицыным, а Никитой Хрущевым: «Догнать и перегнать Америку!» Догнать не удалось, но итог впечатляющий: уникальный взлет советской культуры как следствие столь короткого воодушевления.

Догонять Америку или Китай сегодня — бессмысленно, возрождать сверхдержаву — опасная глупость, строить под Москвой Силиконовую долину — бездарно, лететь на Альфа Центавру — нет сил. Может быть, выбрать что-нибудь, отвечающее той русской душе, о которой все слышали, но никто не видел на всем долгом бездушном, тяжелом историческом пути? Хотя, несмотря ни на что, верить в ее, пусть и никак не видимое, присутствие очень хочется. У этой таинственной души явно не наблюдается гармонического согласия с достатком, сытостью.

Во всяком случае, на российских равнинах, где никогда не было и по сей день нет традиций праведного протестантского труда, человеческим началом более

чем двадцатилетняя капиталистическая практика явно на пользу не пошла: на скудных подзолистых почвах богатство почему-то отмечает далеко не лучших, скорее — худших. Доллары, коттеджи, шикарные отели не делают счастливее одних — обладателей, а естественный за счет этой столь жирной доли ущерб делает долю других (в первую очередь — слабых, хворых, старых) слишком горькой.

Такая своеобычность, прирожденная бедность не сулит перспектив в борьбе за лидерство в «большой двадцатке» или ВТО, но оставляет надежду, что в душе этой первородное, человеческое желание — дарить, отдавать — способно преодолеть цивилизационный инстинкт накопления, а интерес к человеку — победить, пересилить тяготение вещного, природного мира.

Тогда, быть может, смена курса в поисках ценностей (все равно североамериканская жизнь нам не грозит) дает хотя бы шанс увидеть на гигантских просторах страну, в которой люди, ее населяющие, будут жить небогато (не главное!), но отнесутся друг к другу по-человечески (русские и калмыки, дворники и академики, чиновники и жители деревень). А не так, как сейчас — бесчеловечно, когда бедного, к примеру, презирает и богатый (еще бы, стоило ли иначе упираться!), и такой же бедный, когда русский презирает не только таджика, но и русского (выбирая за границей отель, «где нет русских»).

В той удивительной (правда, с трудом представимой) стране, где власть презренного металла будет, если не

отвергнута, то хотя бы ограничена, махатмой (вслед за Индией) назовут Льва Толстого, освободителем — Никиту Хрущева, а канонизируют не бездушного, ничтожного Николая Второго, а «безбожника» Николая Вавилова, мечтавшего накормить голодных всего мира.

Список литературы

1. Уэллс Г. Россия во мгле. Собрание сочинений в 15 т. — Т. 15. — М.: Правда, 1964.
2. Шмальгаузен И.И. Закономерности прогрессивной эволюции. — Л.: Наука, 1972.
3. Dobzhansky Th. Genetic Entitise in Hominid Evolution// Classification and Human Evolution. — Chicago, 1963.
4. Findlay C.S., Lumsden C.J. The Creative Mind. — London, 1988.
5. Дриккер А.С. Информационная матрица эволюции культуры // Человек. — 2013. — № 2—3.
6. Maslow F. Motivation and personality. — New York: Harper, 1954.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М., 1991.
8. Клягин Н.В. Современная научная картина мира. — М.: Логос, 2007.
9. Пелипенко А.А. Постижение культуры: в 2 ч. — Ч. I.: Культура и смысл. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
10. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. — М.: АСТ-Астрель, 2010.
11. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. — М.: Аспект пресс, 2004.

УДК 159.923.2:371.21
ББК 88.52:74.202.4

А.Ю. ШЕМАНОВ

АНТРОПОЛОГИЯ ИНКЛЮЗИИ: АВТОНОМИЯ ИЛИ АУТЕНТИЧНОСТЬ?¹

Проведен философский анализ социально-конструкционистского обоснования инклюзии и социальной модели инвалидности. В его рамках рассматривается понятие психологического сопровождения участников инклюзивного образования. Инструментом анализа является предложенное Г.П. Мейнингером понятие нормативной антропологии как структурирующей перспективы оказания помощи людям с ограниченными возможностями здоровья. В результате исследования принимается вывод Г.П. Мейнингера о неадекватности нормативной антропологии инклюзии, исходящей из идеала автономной личности, вне зависимости от принимаемой модели включения лиц с ограничениями здоровья — социальной (инклюзия) или индивидуальной (интеграция), подтверждается необходимость структурирующей перспективы помощи (как нормативной антропологии), исходящей из идеала аутентичности. Подчеркивается важность учета воплощенного и культурного характера человеческого существования при построении нормативной антропологии инклюзии и психологического сопровождения ее участников.

Ключевые слова: нормативная антропология, инклюзия, автономия, аутентичность, культура, воплощенность, инклюзивное образование, социальная модель инвалидности, лица с ограниченными возможностями здоровья, психологическое сопровождение.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-16-77004 «Методологические основы психолого-педагогического сопровождения в инклюзивном образовании города Москвы»).